© Е.В. Каргаполова, А.А. Меренкова, Д.Д. Митронина, И.А. Аванесова

Научная статья
УДК 330.59

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

Е.В. Каргаполова, А.А. Меренкова, Д.Д. Митронина, И.А. Аванесова

Каргаполова Екатерина Владимировна,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-2892-3953
k474671@list.ru

Меренкова Анна Андреевна,
студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.
anya.merenkova@inbox.ru

Митронина Дарья Дмитриевна
студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.
mitronina.dasha2004@mail.ru

Аванесова Ирина Алексеевна,
студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.
avanesova_2003@mail.ru

Аннотация. *Качество жизни населения является одной из ключевых категорий современного научного анализа, отражающей уровень социально-экономического развития общества и степень удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей. В условиях усиливающейся цифровизации и сохраняющегося социально-экономического неравенства особую значимость приобретает изучение взаимосвязи материального положения населения с его социальным самочувствием, жизненными стратегиями и интеграцией в цифровую среду. Целью данной работы является анализ особенностей самооценки материального положения москвичей и выявление её взаимосвязи с социальным самочувствием, трудовыми установками, идентичностью и цифровыми практиками. Эмпирическую основу исследования составили данные онлайн-опроса жителей Москвы (N=1070), проведенного по типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». В ходе исследования выявлена выраженная дифференциация населения по уровню материального*

благосостояния, при доминировании средних слоев и наличии значительных финансовых ограничений у большинства респондентов. Установлены гендерные и возрастные особенности распределения доходов, а также связь материального положения с семейным статусом. Продемонстрировано, что уровень дохода оказывает значительное влияние на оценки динамики уровня жизни, социальный оптимизм, удовлетворенность жизнью и трудом, а также определяет различия в трудовых стратегиях – от ориентации на стабильность до готовности к риску и предпринимательству. Выявлена тесная взаимосвязь материального положения с цифровой включенностью, психологическим состоянием и характером социальных взаимодействий. Зафиксированы процессы усиления цифрового и социально-экономического неравенства, поляризации оценок качества жизни и тенденция к самовоспроизводству социального расслоения.

Ключевые слова: *качество жизни, материальное положение, социальное самочувствие, социально-экономическое неравенство, цифровизация, цифровое неравенство, социальная стратификация, трудовые установки, идентичность, Москва.*

Библиографическая ссылка: *Каргаполова Е.В., Меренкова А.А., Митронина Д.Д., Аванесова И.А. Материальное положение как индикатор качества жизни жителей столичного мегаполиса // ЦИТИСЭ. 2026. № 2. С. 550-566.*

Research Full Article
UDC 330.59

FINANCIAL SITUATION AS AN INDICATOR OF THE QUALITY OF LIFE OF RESIDENTS OF A METROPOLITAN METROPOLIS

E.V. Kargapolova, A.A. Merenkova, D.D. Mitronina, I.A. Avanesova

Ekaterina V. Kargapolova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-2892-3953
k474671@list.ru

Anna A. Merenkova,
Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.
anya.merenkova@inbox.ru

Darya D. Mitronina,
Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.
mitronina.dasha2004@mail.ru

Irina A. Avanesova,
Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.
avanesova_2003@mail.ru

Abstract. *Quality of life is a key category in modern scientific analysis, reflecting the level of socioeconomic development and the degree to which material, social, and spiritual needs are satisfied. In the context of increasing digitalization and persistent socioeconomic inequality, studying the relationship between the population's financial situation and their social well-being, life strategies, and integration into the digital environment is particularly important. The aim of this study is to analyze the characteristics of Muscovites' self-assessment of their financial situation and identify its relationship with social well-being, work attitudes, identity, and digital practices. The empirical basis of the study was data from an online survey of Moscow residents (N=1,070), conducted according to the standard methodology of the All-Russian scientific research program "Sociocultural Evolution of Russia and Its Regions." The study revealed significant differentiation of the population by level of material well-being, with the middle class dominating and the presence of significant financial constraints for the majority of respondents. Gender and age patterns in income distribution were identified, as well as the relationship between financial situation and family status. Income levels have been shown to significantly influence assessments of living standards, social optimism, and life and work satisfaction, as well as determine differences in work strategies – from a focus on stability to a willingness to take risks and pursue entrepreneurship. A close relationship between financial status and digital inclusion, psychological well-being, and the nature of social interactions has been identified. Processes of increasing digital and socioeconomic inequality, polarization of quality-of-life assessments, and a tendency toward self-perpetuation of social stratification have been documented.*

Keywords: *quality of life, financial situation, social well-being, socio-economic inequality, digitalization, digital inequality, social stratification, work attitudes, identity, Moscow.*

For citation: Kargapolova, E. V., Merenkova, A. A., Mitronina, D. D., & Avanesova, I. A. (2026). Financial situation as an indicator of the quality of life of residents of a metropolitan metropolis. *CITISE, 2,* 550–566. (In Russian).

Введение.

В современном научном дискурсе качество жизни является предметом междисциплинарного осмысления в психологии, социологии, медицине [20] и связано с такими категориями, как «уровень жизни», «образ жизни», «стиль жизни», «темп жизни», «ощущаемое качество», «социальная защищенность», «смысл жизни», «удовлетворенность жизнью», «счастье» и «субъективное благополучие» [4; 8; 10; 11; 13; 17; 18; 22]. Как интегральный показатель степени удовлетворения всей совокупности материальных, духовных и социальных потребностей населения «категория качества жизни включает в себя помимо экономического измерения жизнедеятельности общества, демографические, этнографические, экологические, поведенческие и психологические аспекты, правовые и политические сферы, общий идеологический и культурный фон» [18, с. 392-393]. Качество жизни содержит «уровень материального благополучия (уровень жизни), условия жизни, доступность образования и медицинского обслуживания, экологические условия, социальное самочувствие населения, уровень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей (удовлетворенность жизнью)» [1, с. 113].

Качество жизни является показателем социально-экономического развития общества [14], его инновационного потенциала [5], «объективно-субъективной характеристикой условий существования человека, зависящей от его потребностей и субъективных представлений» [9, с. 288]. Исследователи отмечают взаимосвязь качества жизни со здоровьем населения, его трудовым потенциалом [2; 19]. Отмечается влияние цифровизации на качество жизни [21].

Критерием качества жизни населения является субъективная самооценка материального положения, которая в условиях нестабильной экономической ситуации может рассматриваться как адаптационное средство, часть культурного капитала населения.

По мнению исследователей, обострившееся в России после распада СССР неравенство доходов населения стало «одной из главных угроз целостности страны» [16, с. 6]. Эмпирические исследования проявляют значимость социально-экономической идентификации для структурирования социокультурного пространства страны и ее регионов [6; 7], «высокий уровень зависимости социального самочувствия жителей … от экономических индикаторов благополучия… Общий высокий уровень бедности, ограниченный рынок труда, низкая социальная мобильность приводят к тому, что социальное благополучие жителей региона во многом связывается с уровнем материального благополучия, а не с удовлетворенностью, например, условиями образования, самореализации или состоянием экологии» [12, с. 116].

Подчеркнем особое место Москвы в социокультурном пространстве страны, ее важнейшее геополитическое положение, нетипичность в ряду российских регионов как мегаполиса и как столицы РФ. Как и в других регионах России, в Москве зафиксирована существенная дифференциация самооценок населения своей принадлежности к имущественным стратам по уровню потребления. Как отмечает Л.А. Беляева, «сформировано устойчивое материальное расслоение общества с такими неблагоприятными пропорциями: соотношение примерно 50 на 50 % трех нижних и трех верхних слоев сохраняется в течение 2000-х годов – это следствие отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания массовых высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест», что приводит к закреплению социальных дистанций, базирующихся на объеме экономического капитала» [3, с. 69]. По мнению Н.И. Лапина, и по этой причине, российское государство «можно охарактеризовать как формально правовое, социально слабое государство с низко-средним уровнем благосостояния, защищающая функция которого находится в кризисе» [15, с. 183].

Но в Москве пропорция между тремя нижними и тремя верхними слоями составляет примерно 20 на 80 % за счет более широких трех верхних слоев. Л.А. Беляева подчеркивает, что «в Москве сосредоточена треть представителей наиболее доходной пятипроцентной группы населения России и каждый пятый из двадцатипроцентной группы с наибольшими доходами. Такая асимметрия в распределении экономического капитала по социальным слоям и регионам делает социальное пространство страны неустойчивым как по вертикали, так и по горизонтали, порождает «избыточное неравенство», которое стало значимым фактором социального недовольства и эксклюзии у значительной части общества, особенно в регионах» [3, с. 67]. Кроме того, бюджет московской агломерации позволяет запускать масштабные инфраструктурные проекты, такие как Московский центральный диаметр, ЦКАД и др., что улучшает качество жизни в регионе и вызывает дополнительное недовольство на периферии.

Методы исследования.

Инициативное социологическое исследование «Наш город» было реализовано в декабре 2023 г. исследовательской группой кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова под руководством доктора социологических наук, профессора Е.В. Каргаполовой. Был

проведен опрос среди жителей Москвы по апробированной с 2006 г. в 30 регионах Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН (руководители на федеральном уровне: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева).

Метод исследования – онлайн-анкетирование (N = 1070). Тип выборки – целевая, для чего уже несколько лет нашей исследовательской группой разрабатывается алгоритм реализации онлайн-анкетирования по заданным квотируемым признакам. Анкетеры получают задание – опросить респондентов из целевой группы по квотам. В данном исследовании были установлены квоты по полу и возрасту. В гугл-форме респонденты указывали фамилию анкетера и свою контактную информацию, что позволяло осуществлять контроль работы анкетеров. В итоге половозрастная структура опрошенных респондентов соответствует структуре генеральной совокупности населения Москвы: опрошено 43% мужчин и 57 % женщин; 28 % молодежи (от 14 до 35 лет включительно), 47 % взрослых (от 36 до 59 лет включительно), 25 % пожилых (старше 60 лет).

Исследование носит зондажный характер, поэтому полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако общее количество опрошенных позволяет сделать предположения и общие заключения.

Результаты.

В ходе реализации эмпирического исследования по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» москвичам был задан вопрос, направленный на выявление самооценки материального положения их и их семьи. Вариант ответа «Денег не хватает на повседневные затраты» отметили 5 % опрошенных от общей выборки. Эту категорию можно обозначить «малоимущие». 9 % респондентов отметили вариант: «На повседневные затраты уходит вся зарплата», эти участники опроса названы «бедные». Полученные результаты свидетельствуют о значительных финансовых трудностях, которые испытывает данная категория опрошенных, их возможности ограничиваются исключительно текущими потребностями. 12 % респондентов характеризуются достаточным уровнем дохода для удовлетворения базовых (повседневных) потребностей, однако сталкиваются с проблемой приобретения товаров длительного пользования, таких как одежда. Эти опрошенные обозначены как «необеспеченные». Вариант ответа «Денег хватает, но для крупных покупок необходимо брать в долг» выбрали 29 % респондентов («обеспеченные»), что говорит о том, что у опрошенных есть определенные ограничения в финансовом плане и существует необходимость приобретения кредитов для покупки дорогостоящих товаров. Самая значительная группа среди москвичей – «зажиточные», то есть те, кто выбрал вариант ответа «Практически на все хватает, но приобретение квартиры или дачи вызывает затруднение». Среди опрошенных в данной категории оказался практически каждый третий (35 %). Действительно, с учетом растущей инфляции, а соответственно, и роста цен на жилье, у многих москвичей такие покупки вызывают затруднения. Стоимость аренды и приобретения жилья в Москве является чрезвычайной высокой и недоступной для большей части населения, особенно для молодежи. Высокие расходы на жилье могут существенно ограничивать возможности для удовлетворения других потребностей. И последний вариант «Практически ни в чем себе не отказываем» отметил каждый десятый опрошенный от общей выборки. Это категория «богатых».

Представленные результаты показывают ярко выраженную дифференциацию доходов. Значительная часть опрошенных относится к среднему классу, когда финансов хватает на повседневные расходы, но при этом присутствует необходимость в финансовой

помощи (кредитовании) для покупки дорогостоящих товаров. Это свидетельствует о значимости роли возможности приобретения кредита и его распространенности для обеспечения и поддержания уровня жизни населения. В целом результаты ответов по данному вопросу показывают, что большинство (90 %) опрошенных испытывает определенные ограничения в финансовых возможностях. Это может быть связано, как упоминалось ранее, с такими экономическими факторами, как уровень заработной платы, инфляции и доступности финансовых ресурсов.

Выявлена устойчивая гендерная асимметрия в распределении экономического благосостояния: женщины составляют 67 % в группе с наиболее низкими доходами, демонстрируя феномен феминизации бедности. Гендерный разрыв постепенно сокращается по мере роста материального положения, достигая относительного паритета в высшей доходной группе. Данная динамика подтверждает теорию гендерной стратификации, где структурные барьеры ограничивают экономические возможности женщин.

Молодежь концентрируется в высшей доходной страте (36 %), демонстрируя феномен отсроченного социального неравенства, тогда как пожилые составляют 41 % в группе с наименьшими доходами, отражая накопленное экономическое исключение. Взрослое поколение равномерно распределено среди всех доходных групп, выполняя роль экономического стабилизатора. Полученные данные подтверждают модель возрастного расслоения, где этап жизненного цикла выступает ключевым фактором экономической уязвимости.

Выявлена сложная зависимость между числом детей и материальным положением: бездетные респонденты концентрируются в полярных доходных группах (35% с низкими и 41 % - с высокими доходами), демонстрируя модели вынужденной и добровольной бездетности. Двухдетные семьи сохраняют стабильную долю во всех доходных категориях (33 %), отражая нормативную репродуктивную модель. Многодетность характерна преимущественно для средних и низкодоходных групп, подтверждая приоритет социокультурных установок над экономической рациональностью.

На вопрос о том, как изменилось финансовое положение респондентов и их семьи за последний год, были получены следующие результаты. Варианты ответов «Стали жить намного лучше» и «Стали жить лучше» отметили 30 % опрошенных, что свидетельствует об улучшении уровня жизни в той или иной степени. 37 % опрошенных считают, что их уровень жизни по сравнению с прошлым годом никак не изменился. Варианты, связанные со снижением уровня жизни («Стали жить хуже» и «Стали жить несколько хуже»), выбрали 28 % респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в Москве наблюдаются разнонаправленные тенденции в оценке уровня жизни населения. Улучшение финансового положения москвичей может быть связано с повышением квалификации, что напрямую оказывает влияние на доход, а также карьерный рост респондентов. Однако ухудшение своего финансового положения отметила почти такая же доля опрошенных. Эти результаты также показывают нам продолжительную социальную дифференциацию и неравномерность распределения экономических благ.

В группе с низким материальным статусом 29 % отмечают, что стали жить «несколько хуже», а 14 % — «намного хуже», что в совокупности составляет 43%, что свидетельствует о сильном негативном тренде и, вероятно, эффекте кумулятивной депривации, когда текущие трудности усугубляются ощущением ухудшения ситуации. Напротив, в группе с наиболее высоким материальным положением доминируют позитивные и стабильные оценки. Здесь максимальна доля тех, кто отмечает улучшение: 23 % стали жить «намного лучше» и 23 % — «несколько лучше», что в сумме составляет 46 %. При этом доля сообщивших об ухудшении («несколько хуже» и «намного хуже») минимальна и составляет лишь 12 %. Это указывает на то, что благоприятное текущее

положение ассоциируется с позитивной динамикой, создавая эффект «успешной траектории» и закрепляя социальное неравенство во временном измерении. При анализе прослеживается поляризация оценок, отражающая наличие двух противоположных тенденций: с одной стороны, улучшение материального положения у наиболее обеспеченных слоев населения, с другой – ухудшение у наименее обеспеченных. Данная тенденция является отражением и воспроизводством социальной иерархии, в которой ресурсы и возможности распределены неравномерно между различными социальными группами. Увеличение разрыва между богатыми и бедными подрывает социальную мобильность и закрепляет статус-кво, усиливая социальное неравенство.

Респонденты с более высоким текущим материальным статусом склонны давать существенно более оптимистичные прогнозы относительно своего будущего. В группе с наивысшим уровнем достатка доля ожидающих улучшения жизни («значительно лучше» и «несколько лучше») достигает 60 %, тогда как доля предрекающих ухудшение минимальна – 6 %. Это свидетельствует о формировании эффекта «социального оптимизма», при котором текущее благополучие проецируется на будущее, создавая самоподкрепляющийся цикл позитивных ожиданий, характерный для экономически устойчивых страт. Напротив, в группах с низким материальным положением, где ресурсы ограничены базовыми потребностями, структура ожиданий поляризована и включает значительную долю пессимизма. В наиболее уязвимой категории («Денег не хватает даже на продукты») лишь 22 % ожидают улучшения, в то время как 12 % респондентов прогнозируют ухудшение, а доля затруднившихся с ответом максимальна (18 %), что отражает состояние неопределенности и фрустрации.

Наиболее высокие (48 %) показатели уверенности в будущем демонстрируют «богатые», что вполне ожидаемо. С большим отрывом (33 %) идут «малоимущие». Остальные группы, дифференцированные по материальному положению, проявляют уверенность в гораздо меньшей степени (интервал значений составляет 15–21 %). Такая же ситуация наблюдается при анализе удовлетворенности жизнью – наиболее высокие показатели демонстрируют «богатые», далее следуют «малоимущие» (47 и 27 % соответственно). У остальных групп этот показатель находится в интервале от 11 до 21 %.

С ростом уровня удовлетворенности работой респонденты статистически значимо чаще дают более высокие оценки своему материальному положению. Так, среди респондентов, полностью удовлетворенных своей работой, наблюдается максимальная концентрация в наиболее благополучных материальных категориях. Это указывает на тот факт, что глубокая удовлетворенность трудом ассоциируется с восприятием себя как представителя высокодоходной группы.

Также стоит обратить внимание на группу полностью неудовлетворенной работой: здесь фиксируются экстремально высокие доли в наихудших материальных категориях – 35 % респондентов сообщают, что денег хватает только на продукты и одежду, а 18 % характеризуют свое положение как бедственное. Это свидетельствует о сильной сопряженности, глубокой неудовлетворенности работой с объективно низким или субъективно воспринимаемым как кризисное материальным статусом.

Выявлена четкая связь между материальным положением и трудовыми стратегиями. Установка на «Стабильный, но небольшой заработок» наиболее популярна среди групп с низкими доходами (до 30 %) и резко снижается среди «богатых» (до 8 %). Напротив, готовность к риску и собственному делу минимальна в беднейших группах и монотонно растет с улучшением благосостояния, достигая максимума (26 %) у «богатых». То есть чем выше уровень материального положения, тем выше готовность к предпринимательскому риску и стремление к высоким доходам. Чем она ниже, тем выше ценность стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Интересно также, что среди «малоимущих» максимально выражена установка «Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более

легкую работу», выраженность которой снижается при повышении уровня оценки материального положения. Таким образом, среди «малоимущих» эту установку поддерживает каждый пятый, среди «богатых» – всего 3 %.

Наблюдается четкая стратификационная модель: респонденты, оценивающие свое материальное положение как бедственное или ограниченное, демонстрируют выраженную инструментальную ориентацию на труд. Их трудовые предпочтения концентрируются вокруг видов занятости, обеспечивающих базовую экономическую безопасность и выживание – прежде всего, это работа по найму со стабильным, гарантированным доходом, что отражает стратегию минимизации экономических рисков. Для этой группы характерен прагматичный подход к труду как к источнику жизнеобеспечения, а не самореализации. В противоположность этому индивиды, относящие себя к обеспеченным слоям, проявляют признаки постматериалистических трудовых ценностей. Их предпочтения смещены в сторону самостоятельной предпринимательской деятельности, творческой или профессиональной самореализации, что указывает на переход от инструментальной мотивации к экспрессивной, когда труд начинает выполнять функцию не только дохода, но и канала личностной актуализации.

Выявлена статистическая взаимосвязь между аффективной привязанностью к региону проживания (ответ на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Москве?») и субъективной оценкой материального положения респондентов. Наименьший уровень региональной удовлетворенности наблюдается в группе «необеспеченные» (59 %). Это может быть интерпретировано как зона относительной депривации: у респондентов отсутствует острая нужда, но они сталкиваются с систематическими трудностями в удовлетворении стандартных потребительских потребностей, что усиливает фрустрацию и негативно влияет на оценку территории. Максимальные значения положительного отношения к столице наблюдаются у «богатых» и «обеспеченных» (73 и 70 % соответственно). То есть высокое материальное положение в определенной степени связано с позитивной аффективной оценкой места жительства.

Более сложной является связь самооценки материального положения и территориально-поселенческой идентичностью. Так, что касается идентичности с жителями города, то наблюдается немонотонная зависимость. Больше всего ответов «свое» наблюдается у «бедных» (65 %). Это может свидетельствовать о сплочении сообщества в условиях ограниченных, но стабильных ресурсов, когда социальные связи выступают формой капитала. На втором месте по степени сплоченности с жителями Москвы у наиболее обеспеченной группы – «богатых» (59 %). Высокое материальное положение, вероятно, позволяет активнее участвовать в жизни сообщества, укрепляя чувство принадлежности. При этом самый низкий показатель у «малоимущих», то есть в группе с наихудшим материальным положением, у которых максимальна идентификация с москвичами как «далекое, но не чужое». Это может отражать маргинальность данной группы, ощущение социальной изоляции и отчуждения у наиболее уязвимых слоев населения. Острая нужда по материальному положению может подрывать социальные связи. Для групп с низким и средним достатком социальные связи, вероятно, выполняют компенсаторную и поддерживающую функцию. Для высокоресурсных групп чувство общности может быть связано с возможностями для самореализации и установления статуса внутри сообщества. Рост социальной аномии (безразличия) с ростом благосостояния указывает на то, что экономический ресурс может частично замещать функцию локальной социальной сети.

Если рассматривать гражданскую идентичность (близость с жителями России, то чувство близости ниже всего у «малоимущих» и «необеспеченных», а выше всего у «бедных» (по 39% соответственно против 55 %). Острая нужда «малоимущих», вероятно, фокусирует внимание на проблемах выживания, что может подрывать ресурс для формирования широкой национальной идентичности. А группа «бедных»

характеризуется стабильным, хотя и ограниченным, доходом, которого хватает на текущие нужды. Это может способствовать формированию «стабильностной» или «защитной» идентичности, когда чувство общности с большой национальной группой становится психологической опорой и источником стабильности в условиях отсутствия финансовых излишков.

Идентичность с жителями бывших республик СССР наиболее высока у «богатых», а также «малоимущих» и «бедных» (33; 26 и 28 % соответственно) Для респондентов, которые относятся к группам «малоимущие» и «бедные», ностальгия по советскому прошлому может выступать формой психологической компенсации текущих материальных трудностей. Это реактивная идентичность, основанная на идеализированном образе общего прошлого как времени большей стабильности и социальной защищенности. Для группы «богатые» данные показатели идентичности, вероятно, имеют иное содержание. Высокий материальный статус открывает возможности для деловых, туристических и культурных контактов с постсоветским пространством. Для них это может быть инструментальная или статусная идентичность, связанная с реальными практиками и более широким, транснациональным кругозором.

Максимальные значения идентичности с жителями всей Земли наблюдаются у «богатых» и «малоимущих» (29 и 32 % соответственно). Для «богатых» космополитическая идентичность, вероятно, является следствием их включенности в глобальные экономические, профессиональные или культурные потоки. Их финансовое благополучие связано с доступом к глобальным благам и транснациональным социальным сетям. Для низкоресурсной группы «малоимущие» данная самоидентификация может либо выступать формой символического компенсаторного механизма в условиях экономической депривации, либо отражать осознание общности глобальных проблем (бедность, экологические риски), не зависящих от национальных границ.

Такая же ситуация наиболее высоких значений в двух противоположных по уровню материального благосостояния группах – «богатых» и «малоимущих» наблюдается в идентичности с людьми в виртуальном пространстве (16 и 18 % соответственно). Для «малоимущих» виртуальная среда, вероятно, выполняет компенсаторную функцию, выступая в роли символического «убежища», где нивелируются ограничения, обусловленные недостатком экономического капитала в офлайн. В рамках этой парадигмы конструирование «своего» пространства в сети может рассматриваться как стратегия адаптации, направленная на восстановление социальной идентичности и психологического благополучия. В противоположность этому для «богатых» виртуальное пространство служит платформой для трансляции и приумножения существующих форм капитала. Наличие ресурсов (экономических, культурных, технологических) обеспечивает им возможность активного освоения цифровой среды, где чувство «своего» формируется через создание контента, участие в престижных сообществах или инвестиции в виртуальные активы, что, в свою очередь, усиливает их статусную позицию.

Респондентам был также задан вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?», который мы также проанализировали в сопряжении с самооценкой материального положения. Так, максимальная доля ответов «в семье» зафиксирована среди групп, дифференцированных по материальному положению, таковая наблюдается у «богатых», минимальная – у «необеспеченных» (91 против 72%). Можно сделать вывод о том, что с одной стороны, в соответствии с теорией ресурсной мобилизации семейный статус выступает значимым социальным капиталом, обеспечивающим синергетический экономический эффект за счет объединения финансовых потоков, диверсификации источников дохода и снижения индивидуальных расходов на содержание домохозяйства. С другой стороны, правомерно предположить действие селекционного эффекта, когда более высокое материальное положение увеличивает вероятность создания и

сохранения семьи, поскольку экономическая стабильность снижает стрессогенную нагрузку на межличностные отношения и обеспечивает необходимые условия для долгосрочного планирования.

Анализ данных таблицы сопряженности выявляет определенные взаимосвязи между взаимопониманием в компании друзей и уровнем материального благосостояния респондентов. Так, минимальные показатели характеризуют низкоресурсные группы, максимальный – «зажиточных» (диапазон значений составляет 51–68 %). Таким образом, наиболее значительный качественный скачок наблюдается при переходе от категорий базового выживания, а точнее от «малоимущих» до «бедных» и «необеспеченных» к уровню финансовой устойчивости, что маркирует преодоление определенного порога экономической безопасности.

Показатели взаимопонимания с соседями выше всего среди «бедных», что свидетельствует о том, что именно данная первичная сеть может являться источником дополнительного социального капитала в непосредственном месте проживания для данной группы в условиях более ограниченных ресурсов для создания, например, семьи.

Взаимопонимание с коллегами по работе выше в высокоресурсных группах, имеющих возможности для сбережений и крупных покупок, а ниже всего – у «бедных». Это позволяет предположить, что категория работников, находящихся в ситуации полного поглощения доходов текущими потребностями, демонстрирует сниженную степень интеграции в профессиональное сообщество.

Если рассматривать взаимопонимание с людьми одной и той же национальности, то несколько выше данный показатель у полярных социально-экономических групп – «богатых» и «малоимущих» – по сравнению с другими группами. Данная биполярная концентрация свидетельствует о различной функциональной нагрузке национальной идентичности в разных социальных стратах. Для экономически уязвимых групп этническая принадлежность может выступать компенсаторным ресурсом и механизмом социальной кохезии в условиях ограниченного доступа к другим формам капитала. В противоположность этому для экономически успешных респондентов национальная идентичность, вероятно, выполняет функцию символического маркера социального статуса и культурного самоопределения.

Существует сильная прямая связь между улучшением материального положения и желанием, чтобы дети остались на малой родине. Среди «малоимущих» доля тех, кто «совершенно согласен» с этим утверждением, составляет 63 %. Это самый высокий показатель. По мере улучшения благосостояния эта доля постепенно снижается (у «малоимущих» – 54 %, у «необеспеченных» – 53 %, у «обеспеченных» – 49 %, у «зажиточных» – 40 %), но снова возрастает у «богатых» до 50 %. Для наименее обеспеченных групп малая родина, вероятно, воспринимается как единственно доступная и безопасная среда. Для наиболее обеспеченных – как комфортная и обустроенная среда, которую они могут предоставить своим детям. Среднересурсные группы, возможно, видят больше возможностей для благополучной жизни детей за ее пределами.

Чем хуже материальное положение опрошенных, тем больше поддержки находит идея отъезда детей в другие крупные города. Возможно, для малообеспеченных семей переезд детей в крупный город видится как стратегия повышения социального и экономического статуса, «социальный лифт». Более обеспеченные семьи, вероятно, не видят в этом острой необходимости.

Также заметна поляризация мнений в зависимости от дохода в желании того, чтобы дети уехали за рубеж. Наименее обеспеченные чаще либо категорически против, либо полностью «за», тогда как более обеспеченные демонстрируют более сбалансированное, но в целом более положительное отношение. Для беднейших групп эмиграция детей – это радикальный шаг, вызывающий сильное сопротивление или, наоборот, рассматриваемый как

крайняя мера для спасения. Для более состоятельных семей это одна из многих опций, которая оценивается более прагматично.

При анализе ответов респондентов о главных жизненных интересах видно, что семья и дом являются доминирующими во всех финансовых группах, но ее значимость максимальна в группах со средним и низким достатком – среди «обеспеченных», «зажиточных» и «бедных». Приоритет работы выше всего среди «богатых», «ниже всего» – среди «обеспеченных» (30 против 12 %). Интерес к «обеспечению заработка» наиболее выражен среди «малоимущих», что говорит о вынужденной концентрации на решении базовых потребностей. Интерес к «духовной сфере и культуре» наиболее низок у «богатых», выше всего – у «обеспеченных» (1 против 9 %). В условиях финансовой нестабильности фокус смещается на базовые ценности (семья, выживание, заработок). По мере роста благосостояния интересы становятся несколько более диверсифицированными.

Цифровое неравенство четко связано с материальным положением. Чем выше доход, тем активнее и регулярнее использование интернет-сервисов. Ежедневное использование электронной почты растет от 57 % в самой бедной группе до 72 % в самой богатой. Доля тех, кто не пользуется почтой, в беднейшей группе в 4,6 раза выше, чем в самой богатой.

Несколько меньше выражена взаимосвязь материального положения и активного использования развлечений, игр и фильмов – интервал значений по использованию ежедневно и несколько раз в неделю от 63 до 67 % в полярных группах.

Наиболее активными (ежедневно и несколько раз в неделю) пользователями портала государственных услуг являются респонденты с самыми высокими доходами (54 %). При этом максимум ежемесячного использования приходится на группы со средним достатком, что может быть связано с вынужденностью решения бюрократических вопросов.

С ростом уровня материального благосостояния частота использования цифровых банковских сервисов статистически значимо возрастает. В группе с наивысшим уровнем достатка («Практически ни в чем себе не отказываем») доля респондентов, пользующихся онлайн-банкингом практически ежедневно, достигает 66 %, что почти вдвое превышает аналогичный показатель (32 %) в группе с наихудшим материальным положением («Денег не хватает даже на продукты»). Это демонстрирует, что доступ к цифровым финансовым инструментам и компетенциям их использования тесно связано с социально-экономическим статусом. Данная закономерность может быть интерпретирована через призму теории ресурсов: более обеспеченные домохозяйства обладают не только большими финансовыми активами, требующими активного управления, но и доступом к качественным цифровым устройствам, устойчивому интернету, а также имеют более высокий уровень цифровой грамотности, что в совокупности формирует паттерн интенсивного использования финансовых технологий.

В группе с наиболее высоким материальным статусом («Практически ни в чем себе не отказываем») фиксируется максимальная доля регулярных пользователей интернет-магазинов – 56 % совершают покупки практически ежедневно, что в 1,5 раза превышает средний показатель по массиву опрошенных в целом (31 %). Одновременно обнаруживается парадоксально высокая активность в группе с наихудшим материальным положением («Денег не хватает на повседневные затраты»), где 39 % респондентов также совершают покупки практически ежедневно. Данное явление может быть интерпретировано через призму теории рационального выбора и экономии транзакционных издержек – для низкодоходных групп онлайн-шоппинг становится инструментом поиска минимальных цен и специальных предложений, компенсирующим ограниченность финансовых ресурсов.

Использование интернет-магазинов среди экономических групп отражает нелинейную структуру цифрового потребительского поведения. Полученные данные иллюстрируют действие двух различных механизмов: для низкодоходных групп это может отражать стратегию вынужденной потребительской оптимизации – поиск минимальных цен

и специальных предложений в условиях ограниченных ресурсов; для высокодоходных – логику интеграции цифрового шопинга в повседневные практики как инструмента экономии временных ресурсов. Также этот феномен соответствует теории демонстративного потребления, где цифровые каналы становятся новым пространством для реализации статусных моделей потребительского поведения, характерных для высших социальных слоев.

Показательно, что максимальный разрыв между экономическими группами наблюдается именно в категории ежедневного использования, тогда как в остальных категориях различия менее выражены. Это подтверждает гипотезу о кумулятивном характере цифровых финансовых практик, где экономическое положение не просто влияет на доступ к сервисам, но определяет глубину и интенсивность их интеграции в повседневную жизнь.

Чем выше самооценка материального положения, тем чаще респондент пользуется возможностями капитализации цифровой среды – работает, совершает выгодные покупки, обменивается материальными ресурсами, экономит время в интернет-пространстве.

Можно сделать вывод о том, что материальные ресурсы являются ключевым фактором, определяющим интеграцию в цифровую среду. Более обеспеченные группы используют интернет как для повседневных задач (почта, развлечения), так и для взаимодействия с государством, в то время как менее обеспеченные группы находятся в положении цифровой эксклюзии.

Наблюдается выраженная обратная зависимость: по мере снижения уровня материального благосостояния частота сообщений о психологическом неблагополучии (апатия, страх, тоска, обида) статистически значимо возрастает. В группе с наиболее тяжелым финансовым положением («Денег не хватает на повседневные затраты») доля респондентов, испытывающих психологический стресс, достигает 28 %, что почти вдвое превышает аналогичный показатель (15 %) в группе с наивысшим уровнем материальной обеспеченности. Данная закономерность может быть интерпретирована через призму модели хронического стресса, где постоянная финансовая нестабильность выступает пролонгированным стрессором, истощающим психологические ресурсы индивида и приводящим к развитию аффективных нарушений. При этом обращает на себя внимание тот факт, что даже в наиболее благополучной материальной группе сохраняется значимый уровень психологического неблагополучия (15 %), что свидетельствует о действии дополнительных факторов, не связанных непосредственно с экономическим статусом, однако в целом конфигурация данных подтверждает гипотезу о материальном положении как ключевом социальном детерминанте психического здоровья.

Выявлена обратная зависимость между уровнем дохода и осознанием интернет-зависимости: наименее обеспеченные группы реже фиксируют у себя симптомы зависимости, тогда как наиболее обеспеченные – чаще (28 против 16%). При этом абсолютное большинство респондентов во всех экономических группах не признает у себя зависимости, что свидетельствует о повсеместной нормализации интенсивного использования цифровых технологий. Полученные данные указывают на то, что экономическое положение структурирует не столько практики использования интернета, сколько критическую рефлексию по поводу их потенциально негативного воздействия.

Установлена четкая обратная зависимость между уровнем дохода и частотой семейных конфликтов: в наиболее финансово уязвимых группах конфликты фиксируют 14 % респондентов, тогда как среди наиболее обеспеченных – лишь 7 %. Наблюдается устойчивый рост гармонии в семейных отношениях по мере улучшения материального положения, что демонстрирует роль экономического благополучия как стабилизирующего фактора. Данная закономерность подтверждает теорию о том, что финансовый стресс выступает значимым триггером дестабилизации семейной системы.

Цифровая уязвимость перед мошенничеством носит всеобщий характер, но наиболее остро ощущается в низкодоходных группах (55 % считают себя абсолютно незащищенными). Экономический капитал частично смягчает это восприятие, формируя у обеспеченных слоев более высокую цифровую резильентность. Однако даже в наиболее благополучной группе лишь 4,4 % респондентов чувствуют полную защищенность, что свидетельствует о системном характере проблемы цифровой безопасности.

Чем выше уровень материального положения, тем реже опрошенные сталкиваются такими цифровыми рисками как получение негативной информации, отрицательной коммуникацией, мошенничеством, потребительскими рисками и принуждением к совершению противоправных действий. Среди «богатых» и «зажиточных» больше всего тех, кто вообще не сталкивался со всеми перечисленными выше негативными аспектами цифровизации.

В целом по результатам анализа линейных распределений и таблиц сопряженности мы приходим к выводу, что проблема социального расслоения среди москвичей имеется и имеет свои негативные последствия. У большинства опрошенных есть проблемы с финансовой точки зрения, тем самым подтверждая неравный доступ к общественным различным благам.

В столице четко прослеживаются границы социальных слоев населения, что отражается в их оценках социального самочувствия, в структуре жизненного мира. Наиболее обеспеченные группы характеризуются значительным оптимизмом и предполагают улучшение материального положения. Менее обеспеченные в материальном плане группы более пессимистичны в прогнозах и ожидают ухудшение материального положения. Также наблюдается существенный дисбаланс между этими группами, что свидетельствует о поляризации оценок и указывает на растущее социально-экономическое расслоение. Данная взаимосвязь подтверждает гипотезу о самовоспроизводстве социально-экономического статуса, где текущее положение оказывает существенное влияние на будущие перспективы. Кроме того, необходимо учитывать влияние экзогенных факторов, таких как макроэкономические условия, инфляция и изменения на рынке труда, процессы цифровизации, которые могут оказывать дифференцированное воздействие на различные социально-экономические группы населения, усугубляя или, наоборот, смягчая существенную поляризацию.

Выводы.

1. В выборке москвичей наблюдается выраженная дифференциация материального положения. Значительная часть респондентов относится к среднему уровню обеспеченности, при котором для совершения крупных покупок требуется привлечение заемных средств. Таким образом, наибольшую долю составляют «зажиточные», тогда как крайние группы («малоимущие» и «богатые») представлены значительно меньшими долями. Большинство опрошенных испытывает те или иные финансовые ограничения, даже при наличии достатка для повседневных расходов.
2. Выявлена гендерная асимметрия: женщины преобладают в группах с низким уровнем дохода, при этом различия сокращаются по мере роста материального благосостояния.
3. Наблюдается возрастная дифференциация: молодежь чаще представлена в высокодоходных группах, а пожилые – в низкодоходных.
4. Материальное положение связано с семейным статусом: многодетные семьи чаще представлены в средних и низких доходных группах, тогда как бездетные – в полярных (низких и высоких).
5. Материальное положение связано с психологическим и социальным благополучием: при низких доходах чаще наблюдается стресс, конфликты и ограниченность социальных возможностей. Оценки динамики уровня жизни носят разнонаправленный

характер: доли респондентов, отметивших улучшение, стабильность и ухудшение, сопоставимы. В группах с низким доходом преобладают негативные оценки изменений уровня жизни, тогда как в высокодоходных – позитивные. Наблюдается поляризация оценок и усиление социального неравенства: благополучные группы демонстрируют позитивную динамику, а наименее обеспеченные – ухудшение положения.

6. Существует прямая связь между материальным положением и трудовыми стратегиями: низкодоходные группы ориентированы на стабильность, высокодоходные – на риск и самореализацию.

7. Уровень материального благосостояния определяет степень цифровой включенности: более обеспеченные активнее и шире используют цифровые технологии.

Список источников:

1. Андрианова Е. В. Качество жизни в оценках жителей Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10, № 3 (39). С. 111-128. URL: https://elibrary.ru/dkyxjy

2. Антонова О.А. Качество жизни населения и качество трудовой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 30–41. URL: https://elibrary.ru/ccgyeb

3. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 58-72. URL: https://elibrary.ru/ynuelb

4. Большаков С.Н. Социальный мониторинг качества и уровня жизни // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2024. № 2 (44). С. 42–52. URL: https://elibrary.ru/rixmlf

5. Вавилина Н.Д. Качество жизни в системе инновационного развития региона методология анализа и система показателей качества жизни населения // Мир науки. 2013. № 3. С. 3. https://elibrary.ru/tudrtv

6. Гришина Е.Е. Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 15–23. URL: https://elibrary.ru/fdhgew

7. Каминский В.С., Уханова Ю.В. Материальное положение населения Вологодской области в условиях распространения коронавирусной инфекции // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8, № 4. С. 1–15. URL: https://elibrary.ru/hopvzz

8. Карпенко Е.М., Рассеко Ю.Ю. Качество жизни, уровень жизни и темп жизни: теоретические и методические аспекты // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 4 (78). С. 6–12. URL: https://elibrary.ru/pksjjd

9. Когай Е.А. Социальное благополучие населения в социологическом измерении // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: мат-лы II Всероссийской научно-практической конференции. - Ижевск: ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2024. - С. 287-290. URL: https://elibrary.ru/wgxenv

10. Колчина Н.О. Исследование смежных категорий качества: образ жизни, уровень жизни, ощущаемое качество // Вестник торгово-технологического института. 2011. № 5 (5). С. 14–17. URL: https://elibrary.ru/tzuhyt

11. Кочеваткина Э.Ф. К уточнению содержания и соотношения категорий «качество жизни» и «уровень жизни» // Вопросы структуризации экономики. 2009. № 2. С. 125–129. URL: https://elibrary.ru/ocbvqp

12. Кошарная Г.Б., Бондаренко В.В., Танина М.А., Юрасов И. А. Влияние уровня жизни на социальное самочувствие населения провинциального региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1 (53). С. 113-125. URL: https://elibrary.ru/hpwkhs

13. Кравченко С.В. Соотношение понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 1–1. С. 22–31. URL: https://elibrary.ru/ltbvbc

14. Курдова М.А., Подгорная С.А. Уровень и качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития страны // Аллея науки. 2018. Т. 7, № 6 (22). С. 359–362. URL: https://elibrary.ru/xvffrr

15. Лапин Н.И. Благополучие населения – цель, активность региональных сообществ – драйвер экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222, № 2. С. 183-205. URL: https://elibrary.ru/erdwqn

16. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4-17. URL: https://elibrary.ru/istwxz

17. Лескова И.В. Уровень и качество жизни как категории образа жизни // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2016. № 6 (13). С. 13–16. https://elibrary.ru/xsannh

18. Макарова О.Н., Леонидова А.И. Методологические подходы к определению понятия «уровень жизни» и «качество жизни» // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2, № 8. С. 392–393. URL: https://elibrary.ru/tappvj

19. Потуданская В.Ф., Шайкин Д.Н. Качество жизни и качество трудовой жизни как среда формирования трудового потенциала // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 25 (190). С. 33–38. URL: https://elibrary.ru/msywet

20. Рассказова Е.И. Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С. 59–71. URL: https://elibrary.ru/pkakut

21. Углов Д.А. Исследование влияния цифровизации на качество жизни населения на основе понятийного анализа // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2024. № 4 (50). С. 90–98. URL: https://elibrary.ru/yshfdo

22. Шабашев В.А., Морозова Е.А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность – общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6 (51). С. 103–109. URL: https://elibrary.ru/pxyvab

References:

1. Andrianova, E. V. (2024). Quality of life as assessed by residents of the Tyumen Oblast. Bulletin of Tyumen State University. *Social, Economic and Legal Research, 10*(3), 111–128. (In Russian). https://elibrary.ru/dkyxjy

2. Antonova, O. A. (2022). Quality of life of the population and quality of working life. *Bulletin of Chelyabinsk State University, 6*(464), 30–41. (In Russian). https://elibrary.ru/ccgyeb

3. Belyaeva, L. A. (2018). Social distances as a characteristic of the social space of modern Russia. *Bulletin of RUDN University. Sociology Series, 18*(1), 58–72. (In Russian). https://elibrary.ru/ynuelb

4. Bolshakov, S. N. (2024). Social monitoring of quality and standard of living. *Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Theory and practice of management, 2*(44), 42–52. (In Russian). https://elibrary.ru/rixml

5. Vavilina, N. D. (2013). Quality of life in the system of innovative development of a region: Methodology of analysis and a system of indicators of the quality of life of the population. *World of Science. Pedagogy and psychology, 3*, 3. (In Russian). https://elibrary.ru/tudrtv

6. Grishina, E. E. (2021). Epidemiological crisis of 2020: Financial situation of the population and support measures. *Narodonaselenie, 24*(1), 15–23. (In Russian). https://elibrary.ru/fdhgew

7. Kaminsky, V. S., & Ukhanova, Yu. V. (2020). Financial situation of the population of the Vologda Oblast in the context of the spread of coronavirus infection. *Issues of territorial development, 8*(4), 1–15. (In Russian). https://elibrary.ru/hopvzz

8. Karpenko, E. M., & Rasseko, Yu. Yu. (2022). Quality of life, standard of living, and pace of life: Theoretical and methodological aspects. *Trud. Trade Unions. Society, 4*(78), 6–12. (In Russian). https://elibrary.ru/pksjjd

9. Kogay, E. A. (2024). Social well-being of the population in the sociological dimension. In Challenges of the modern world in the framework of social and humanitarian knowledge. In *search of an alternative: Materials of the II All-Russian scientific and practical conference* (pp. 287–290). Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov. (In Russian). https://elibrary.ru/wgxenv

10. Kolchina, N. O. (2011). Study of related categories of quality: Lifestyle, standard of living, perceived quality. *Bulletin of the Trade and Technology Institute, 5*(5), 14–17. (In Russian). https://elibrary.ru/tzuhyt

11. Kochevatkina, E. F. (2009). Towards clarifying the content and relationship of the categories “quality of life” and “standard of living”. *Issues of Structuring the Economy, 2*, 125–129. (In Russian). https://elibrary.ru/ocbvqp

12. Kosharnaya, G. B., Bondarenko, V. V., Tanina, M. A., & Yurasov, I. A. (2020). The impact of living standards on the social well-being of the population of a provincial region. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences, 1*(53), 113–125. (In Russian). https://elibrary.ru/hpwkhs

13. Kravchenko, S. V. (2024). The relationship between the concepts of the meaning of life, life satisfaction, quality of life, happiness, and subjective well-being. *Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research, 13*(1–1), 22–31. (In Russian). https://elibrary.ru/ltbvbc

14. Kurdova, M. A., & Podgornaya, S. A. (2018). Standard and quality of life of the population as an indicator of the country’s socioeconomic development. *Alley of Science, 7*(6), 359–362. (In Russian). https://elibrary.ru/xvffrr

15. Lapin, N. I. (2020). Population well-being as a goal, regional community activity as a driver of economic growth. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, 222(*2), 183–205. (In Russian). https://elibrary.ru/erdwqn

16. Lapin, N. I., Ilyin, V. A., & Morev, M. V. (2020). Extreme inequalities and the welfare state. *Sociological Studies, 1*, 4–17. (In Russian). https://elibrary.ru/istwxz

17. Leskova, I. V. (2016). Standard and quality of living as lifestyle categories. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects, 6*(13), 13–16. (In Russian). https://elibrary.ru/xsannh

18. Makarova, O. N., & Leonidova, A. I. (2012). Methodological approaches to defining the concepts of “standard of living” and “quality of life”. *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics, 2*(8), 392–393. (In Russian). https://elibrary.ru/msywet

19. Potudanskaya, V. F., & Shaikin, D. N. (2010). Quality of life and quality of working life as an environment for the formation of labor potential. *Economic Analysis: Theory and Practice, 25*(190), 33–38. (In Russian). https://elibrary.ru/msywet

20. Rasskazova, E. I. (2012). Quality of life as an interdisciplinary problem: Theoretical approaches and diagnostics of quality of life in psychology, sociology, and medicine. *Theoretical and Experimental Psychology, 5(*2), 59–71. (In Russian). https://elibrary.ru/pkakut

21. Uglov, D. A. (2024). A study of the impact of digitalization on the quality of life of the population based on conceptual analysis. *Bulletin of USPTU. Science, Education, Economics. Series: Economics, 4*(50), 90–98. (In Russian). https://elibrary.ru/yshfdo

22. Shabashev, V. A., & Morozova, E. A. (2005). Standard of living, quality of life, social security — general and specific. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University, 6*(51), 103–109. (In Russian). https://elibrary.ru/pxyvab

Submitted: 26 April 2026 Accepted: 26 May 2026 Published: 27 May 2026